

ЭКА ПАРФ

УЗНИК ПЕТРОПАВЛОВКИ
И ЧЕТЫРЕ ВЕТРА
ПЕТЕРБУРГА

Эка Парф

**Узник Петропавловки
и четыре ветра Петербурга**

«Издательские решения»

Парф Э.

Узник Петропавловки и четыре ветра Петербурга / Э. Парф —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900004-0

Жизнь обыкновенного питерского подростка меняется, когда в окно ему стучится чижик-пыжик, в руки попадает медальон из гром-камня, а сам Коля седлает грифона с Банковского моста и знакомится с призраками венценосной семьи. Дело остаётся за малым: спасти город от древнего проклятия, что навлёк на него ещё Пётр I, и остаться при этом в живых.

ISBN 978-5-44-900004-0

© Парф Э.
© Издательские решения

Содержание

Ветви одного дерева	6
История одного города	15
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Узник Петропавловки и четыре ветра Петербурга

Эка Парф

Дизайнер обложки Елена Петровна Гнедкова

© Эка Парф, 2017

© Елена Петровна Гнедкова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0004-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ветви одного дерева

История города – это разваливающийся старый особняк, в котором полным-полно комнат, чуланов, спускных желобов для грязного белья, чердачных помещений и всяких других укромных местечек... не говоря уже об одном, а то и двух потайных ходах.

Стивен Кинг, «Оно».

Коридор стих. Будто не было этих мучительных шести часов, когда стены старого дворца грозились разойтись в трещинах. Настолько невыносимы для мужского слуха были крики роженицы.

Двери комнаты для прислуги отворились, из них, хромая на одну ногу, вышла Марь Степановна – старая повитуха. Ходили слухи, будто в свое время она приняла Павла I. Марь Степановна вытерла руки о фартук и громко выдохнула.

– Ваша очередь, – кинула она камердинеру и исчезла в дверном проеме.

Георгий вошел в комнату для прислуги. На кровати лежала Лёна – так её здесь называли – девушка убаюкивала на руках новорожденного малыша. Того самого, которому она дала жизнь и более никогда не увидит. А он, в свою очередь, никогда не узнает ни кто его мать, ни, тем более, кто его отец.

Георгий Васильевич отодвинул занавески. Он бросил взгляд на улицу и произнёс:

– Бедный мальчик. Не успел родиться, как тут же осиротел.

– Он не сирота.

– Тогда уж и не бедный, – заметил Георгий Васильевич.

Этой же ночью младенца вынесли из дворца. Той самой парадной резиденции императорской фамилии, что до сих пор имеет место в городском ансамбле Петербурга.

Камердинер вышел из комнаты прислуги со свёртком в руках. Медленно открыв дверь в зал, Георгий высунул голову и огляделся по сторонам. Незаконнорождённые в стенах императорского дворца – дело житейское. И все же за всю историю этого самого дворца никто из августейших особ так и не поблагодарил прислугу за расширение царского династического древа.

Последняя закрывшаяся за спиной камердинера дверь жалобно заскрипела. Георгий обернулся на неприятный звук.

«Этим утром это надо будет исправить» – решил про себя он и уже сделал шаг, чтобы идти дальше, но обернулся.

На него смотрел фасад Зимнего дворца. Здания, в стенах которого на свет появилась не одна монаршая особа. Георгий взглянул на завёрнутого в шкурку оленя младенца. Каким бы очаровательным ребёнком тот ни был, но в этот дом он более не вхож. И вовсе не потому что пока ходить не в состоянии. Дверь, что только что со скрипом закрылась за ними, навеки вечные преградила этому ребёнку все пути как в комнату прислуги, где мать родила его, так и в имперские покои, где отдыхает его августейший отец.

Камердинер прижал свёрток к груди и двинул прочь от имперского дома – напрямик туда, где малышу будут рады – должны быть рады. В место, где он вырастет и даже не догадается о своём истинном происхождении. Впрочем, даже если и так, – кто ему поверит? Разве что историки спустя века разберут царский род по полочкам. Но это ведь невозможно. Кто их, простых людей, допустит до прикосновения к царской крови?

Из свёртка показалась пухленькая голенькая ручка. Маленькие пальчики, сжимаясь в кулак, схватили воздух. То ли в обещании вернуться, то ли, чтобы унести с собой частичку своей истории. Той самой, в которой его предки сделали Русь Российской Империей, превра-

тив пожираемое Смутой государство в могущественную державу. Частичку той самой истории, о которой ему так никто и не расскажет.

Прочь из дворца, от Двора, подальше от питерской мороси – не просто климатического условия, но культурного явления – напрямик в пригород Петербурга. Туда, где вместо гранитных набережных деревянные заборчики, а с ролью царского дворца справится и скромный каменный домишко с цельной крышей, стенами и горящими каминами.

Только мороси, этой извечной петербургской напасти, там, за пределами столицы, уже точно не будет.

– Да зачем оно нужно? Там ведь так опасно сейчас! – всплеснула руками Нина Ивановна.

– Мам, это традиция, – отвечала Ирина Фёдоровна.

– Какая еще традиция! Ей сто лет в обед! Отправили бы мальчика лучше в пионерский лагерь. В наше время... – деловито начала бабушка.

– Мам, в ваше время только пионерские лагеря и были. И что ты устраиваешь? Он уже вернулся. Даже поздоровался, – Ирина Фёдоровна открыла посудомоечную машинку.

– По-русски хоть? – встрепенулась бабушка.

– Мам.

– Загубили душеньку русскую, – всхлипнула Нина Ивановна.

– Мамá! – донеслось сверху.

Нина Ивановна перекрестилась, дочь сделала вид, будто не заметила.

– Мы здесь, Николая! – отозвалась женщина. – Что случилось?

На кухне вырос худощавый юноша с копной темно-каштановых волос на голове и иссиня-чёрного смартфоном в руках.

– Я искал... – он указал на лежащие на столе ножницы. – Их.

– Ножницы, Николая. Это ножницы, – спокойно ответила Ирина Фёдоровна.

Нина Ивановна вновь перекрестилась.

– Как ты хоть? Скучал? – Взмолила бабушка.

Ирина Фёдоровна опередила сына с ответом:

– Отвык уже, наверно, от нашей мороси-то?

– В Париже... salement¹, – вяло ответил юноша. – Но и тут уныние сплошное.

Бабушка вновь перекрестилась.

– Поди вещи разбери, через час запускаю машинку, – сказала мама и вложила ножницы в руки сыну.

Николая ушел, крутя перед собой ножницы, будто пытаясь запомнить русское название вместо привычных ему cisaille².

Ирина Фёдоровна наклонилась к старухе и прошептала:

– Прекрати. Слышишь? Прекрати, говорю тебе!

– Но как же... русскую речь забыть! – положив руки на грудь, взмолила бабушка.

– Мам, он год проучился в Париже. Он по-русски только с нами по скайпу болтал. Весь тот год он даже думал по-французски. Чего ты хочешь от мальчика? Втянется ещё.

– Да ты мне ответь лучше, зачем вы вообще его туда отправили!

– Сама прекрасно знаешь, – буркнула дочь, включая чайник.

– Но не понимаю! Не понима-а-а-ю! – всхлипнула бабушка.

Ирина Фёдоровна повернулась лицом к лицу к пожилой женщине, заглянула ей в глаза и ответила:

---

¹ Salement – грязно (франц.)

² Cisaille – ножницы (франц.)

– Каждый потомок Оленевых год проводит в Париже. Так уж повелось, что после 1917 года, мама, Оленевы перебрались во Францию.

– Да это сто лет назад было! Чего им неймётся?

– Я ещё раз говорю: традиция такая! – вспыхнула женщина.

Ирина Фёдоровна отошла к окну и уставилась в осенний Петербург. Окна их квартиры выходили напрямиком в парк. Осень в этом году выдалась яркой, цветастой. Город обрядился в пёстрое красочное платье, отложив (только на время, конечно) воспетую ещё Достоевским рясу из серого угрюмого неба и холодных гранитных набережных.

«Совсем не по-питерски» – усмехнулась про себя Ирина Фёдоровна.

– Это ведь она всё это придумала? – опомнилась Нина Ивановна.

– Да.

Нина Ивановна недовольно хмыкнула.

– Сколько можно слушаться эту старую кошёлку?

– Имей уважение. От России у неё не лучшие воспоминания.

– Да какие воспоминания! Она в этой ихней Франции родилась!

– А в семье продолжали говорить по-русски, – с нажимом произнесла Ирина Фёдоровна. – Всё равно она княжна, мам. Имей уважение.

– Да при царе горохе княжной она была! А с внуком-то что! С внуком-то!

Ирина Фёдоровна отвернулась от окна и села за стол. Она посмотрела Нине Ивановне прямо в глаза и ответила:

– Им сильно досталось в семнадцатом. Княжна здесь так ни разу и не была. Сама знаешь, почему.

Нина Ивановна открыла было рот, чтобы возразить, но дочь её опередила.

– Она ему такая же бабушка, как ты. Ты водила его по Эрмитажам здесь, а она учила его французскому языку там. Всё честно.

– Тоже мне...

– Вот поэтому они так и не вернулись, – вздохнула Ирина Фёдоровна.

– Вы ему ещё ничего не говорили?

– Ещё нет.

Николя высвободил чемодан из защитной плёнки, достал оттуда зарядное устройство для мобильного телефона, отложил его в сторону, чтобы тут же забыть, куда именно.

Меж осенних свитеров и всесезонных джинс затесалось что-то блестящее. Нечто такое, что не имеет место быть в мужском багаже. Нечто такое, чего Никола в свой чемодан не клал.

В руках мальчика будто сам собой оказался кулон. С неровными краями, каменный, он продолжался длинной тяжёлой цепочкой. Никола перевернул кулон лицевой стороной.

– Пусто, – вслух удивился мальчик.

– Что это у тебя?

Николя поднял голову. Над ним, с кухонным полотенцем на плече, нависала Ирина Фёдоровна. Мальчик пожал плечами и протянул находку матери.

– Это не моё. Может, он бабушки?

– Да, – зачарованно проговорила Ирина Фёдоровна. – Случайно прихватил, наверное. – Она провела пальцами по медальону и вскрикнула.

Медальон выпал из её рук и рухнул вниз, на пол.

Ирина Фёдоровна прижала раненный палец к губам.

– Просто царапина.

– Края острые, – вскочил Никола. – Давай промоем!

Ирина Фёдоровна отмахнулась и вышла.

Николя поднял с пола медальон и ещё раз рассмотрел его края. Теперь они ему казались не такими уж и острыми. Он зажал безликий кусок камня в кулак, затем выпрямил ладонь.

Этот холодный кусок неживой природы будто упрямится, не желая показывать свой настоящий характер. На мальчика смотрела гладкая, без единой буквы, хотя бы царапины, каменная поверхность. Николя прокрутил в руках нерадивую безделушку и оставил её на столе. Он спустился вниз, в гостиную, куда с минуты на минуту должны были нагрянуть родственники с материнской стороны.

Как и Нина Ивановна, год назад они силились не отпускать Коленьку в чужеродную Францию. Их страшили новостные сводки о бегущих в Европу сирийских беженцах, захватах заложников и, наконец, явные экономические проблемы на территории всего Европейского Союза. Когда Великобритания объявила о своём выходе из ЕС, на Ирину Фёдоровну посыпался шквал звонков со всей её стороны с мольбами о скором возвращении Коленьки домой, в Петербург. Сам Коля, который откликнулся теперь на Николя, вместо посещения кинопремьер – то есть мест с большим скоплением людей – отныне предпочитал скачивать новинки из интернета, как только те там в хорошем качестве появлялись.

Тиканье часов в гостиной приближало приход доброй половины Колиной семьи. И пусть вечером он мечтал лишь об одном – рухнуть на кровать и пролежать на ней до самого утра. Подоспевшие к назначенному времени бабушки, тётки, деды и вся прочая родня Ирины Фёдоровны, не выпускала бедного мальчика из рук до самого обеда. Его зацеловывали, душили в объятиях, дарили совсем уж детские сладости, расспрашивали «об этом Париже», порой пожилые и не очень мужчины и женщины говорили одновременно. Не перебивали, не втискивались в разговор как бы ненароком, но говорили одновременно.

Николя вопрошающе посмотрел на мать, а та, отмахиваясь, бросила:

– Ну иди уже.

Настал тот заветный миг, о коем мальчик мечтал с момента приземления. Без всякого участия со стороны многочисленной родни Николя упал в объятия свежестыранного белья «с ароматом альпийской свежести».

«Альпы далеко не самое плохое место, чтобы скрыться от оравы скучающих родственников» – решил Николя, и провалился в сон.

Проснулся он так же неожиданно, как и заснул. Присев на кровати, юноша протер кулаками веки и огляделся. Его окружала кромешная тьма. За время его отсутствия мама привыкла держать его комнату с закрытыми шторами. Сам он, оказавшись в своей комнате впервые за долгое время, вовсе не обратил на это внимания. В комнату не попадал даже лунный свет. Тем не менее ничто не помешало мальчику вчера отведать копчёную форель, что вручили ему многочисленные родственники. Иссушенный организм требовал воды. В стакане, ведре, из-под крана – не столь важно.

Николя осторожно поставил ноги на пол. Холодное дерево обожгло ступни. Минуту спустя он уже стоял на своих двоих. Юноша всмотрелся в черноту перед собой. Казалось, до этой густой непроглядной тьмы можно дотронуться. Николя встал и, пошатываясь спросонья, сделал неуверенный шаг вперед. Ступни ног тем временем медленно превращались в ледышки.

Кое-как, по памяти, доковыляв до двери, Николя коснулся кончиками пальцев дверной ручки, как до его слуха донёлся невнятный шёпот. Мигом проснувшись, он прислушался. Невнятный шум повторился. Николя обернулся. Позади него, во всём пугающем величии, воцарилась тьма. Рука юноши машинально потянулась к выключателю. Длинные пальцы нажали на выключатель и комната озарилась светом.

– Эй, – прошептал он.

В ответ ничего.

«А что я ожидал услышать» – решил Николя.

Он уже вернулся к выходу, как шёпот повторился. Николая оцепенел, буквально вмёрз в пол. Шёпот становился громче, распространился по всей комнате, он обволакивал собой Николая, будто желая проникнуть в самый его разум, оглушить его, затмить собой все его органы чувств.

Его охватила паника. Руки не слушались, ноги вросли в пол. Бороться было бесполезно. Осталось только слушать. Николая закрыл глаза и весь обратился в слух:

...ведь твоё жилищ-щ-щ-е.
На моих костях.
...дом твой давит кладбищ-щ-щ-е —
Наш отпетый прах.³

Четверостишие повторялось вновь и вновь, всё отчётливее Николая слышал слова, всё глубже впивались они в его память. Чем отчётливее он осознавал, что с ним происходит, тем меньше верил в реальность происходящего. Шёпот становился всё громче. Николая не слышал собственных мыслей. Он потерялся в оглушающей пустоте, окружившей, поглотившей его, худощавого пятнадцатилетнего юношу. Казалось, поглотившей его навечно.

Николай очнулся на полу, у двери. Спина ныла, дала о себе знать пульсирующая болью шишка на голове. Он рассеянно огляделся по сторонам, затем вскочил на ноги и подбежал к окну. Резким движением он одёрнул шторы.

За окном стояла непроглядная ночь.

Из-за двери послышались шаги. Николай остолбенел. Мысль о том, что голоса могут вернуться, вынудила его сделать шаг вперед. Потом другой. Он повернул дверную ручку и вышел в коридор. Внизу, на кухне, горел свет. Мальчик тихо спустился вниз. По пути ему попала длинная металлическая ложечка для обуви. Недолго думая, мальчик взял её с тумбы и двинулся дальше. Приняв оборонительную стойку, Николай медленно прошёл к стеклянным дверям. До Николая дошли знакомые «щелчки» набора сообщения на телефоне и похрапывание старой кофемашины. Некто чувствовал себя как дома. Он не только успел заварить себе кофе, но и общался с подельниками через смс!

Сердце Николая сжалось. Желудок предательски булькнул, рискуя в тот или иной момент обнаружить их обоих.

Испугавшись ночного кошмара, Николай не думал отступить теперь. Теперь, когда все части тела его слушаются, а в руках у него настоящее оружие – лопатка для обуви!

Мальчик легонько нажал на дверную ручку и дверь отворилась. В щели дверного проёма стоял некто сто крат сильнее и могущественнее любого – даже самого потаённого – кошмара всех подростков.

– Мам? – тупо уставился он на Ирину Фёдоровну Николая.

Та вздрогнула от неожиданности и прошептала:

– Почему не спишь?

– Я думал, сюда кто-то забрался! – выдохнул мальчик.

– А, – будто очнулась Ирина Фёдоровна. – Я еду встречать папу. Думала, ты ещё спать будешь. Ты чего встал-то? Иди ложись. Ночь на дворе.

Вопреки ожиданиям матери, Николай замотал головой. Это был тот самый момент, когда подросток предпочитает семейную поездку хоть куда, к бабушке ли или сразу на Юпитер. Только бы не оставаться одному в большой тёмной квартире. Традиционно лучшим лекар-

---

³ Отрывок из стихотворения Я. П. Полонского «Миазм» (1868). В стихотворении описывается жизнь и смерть одного из первых строителей Петербурга – мужиков, пригнанных на строительство нового города на болотах из Ярославской и Вологодской губерний. Герой стихотворения умер в ходе постройки города и его призрак является в дом петербурженки, что стоит на том месте, где распрощался с жизнью рабочий.

ством от просмотренного ужастика для Коли были сон с включённым светом и мультфильмами. Но это был не тот случай

– Так ведь ночь на дворе, – оторопел мальчик.

– Он приземляется в 5 утра, – вздохнула Ирина Фёдоровна. – А ты вообще спал?

В памяти мальчика всплыл прошлый вечер. Мама начала что-то рассказывать про папу, но ей не суждено было переговорить бабушку. Она что-то с придыханием рассказывала о мандаринах, которых им в Советском Союзе было вполне достаточно – и никаких тайских фруктов им не надо было. В этот миг мальчик окончательно потерял нить разговора с родственниками и принялся выковыривать из оливье зелёный горошек.

– Мне даже кошмары снились, – заверил он.

– Тогда поторапливайся. Нам скоро выезжать.

Николя бросил взгляд на проспект Энгельса, что недалеко от их дома превращался в Сердобольскую улицу. По обыкновению забитый автомобильной пробкой проспект пустовал, изредка по нему проезжала одинокая машинка. То ли её водитель спешил во вторую смену в один из ресторанов 24 часа, то ли торопился пересечь финскую границу, пока её не оккупировали голодные до финской форели петербуржцы.

– Пристегнись.

– Ну ма-а-ам, – запротестовал сын.

– Я сказала, пристегнись.

Нехотя, он послушался.

– Да ну мне ж не четырнадцать! – взмолил мальчик.

– Действительно. Тебе пятнадцать! – ликовала Ирина Фёдоровна.

Машина тронулась. Полоски света от фар скользили по нечищеным питерским дорогам. За год жизни в Европе любой отвыкнет от местной мороси, тяжелее этого только свыкнуться с традиционно грязными дорогами.

– Моим замшевым сапогам здесь больше не место, – кивнула Ирина Фёдоровна на дорогу впереди.

– А мы точно туда едем? – очнулся Николя, глядя в окно на пассажирском сидении. – Мы в какой аэропорт?

– Николя, – назидательно проговорила мама, – у нас один аэропорт – это Пулково.

– Но... – начал было мальчик.

– Да, я знаю. Всего один аэропорт.

– Но всего один! Раньше я над этим не задумывался.

Губы Ирины Фёдоровны изогнулись в лёгкой улыбке.

– Свою страну начинаешь лучше понимать только после того, как увидишь другую. Я до 90-х годов и представить себе не могла другой жизни кроме той, какой жили мы тут. Я ведь и на факультет приборостроения в ИТМО пошла под влиянием того времени. Думала, вот она – профессия. Знала бы больше, пошла бы хоть на графического дизайнера, ей-богу.

– Ты жалеешь об этом?

– Нет. Но дискретная математика – это не совсем то, ради чего мне бы хотелось открывать глаза по утрам!

Они засмеялись.

Машина свернула с главной дороги и они оказались на узенькой улочке. Парковочные места пустовали, тем самым освобождая для взора самые настоящие дворцы, среди которых так или иначе затесался в полном смысле этого слова целый замок.

Солнце тем временем поднималось все выше, все отчётливее прорисовывались силуэты жилых домов, муниципальных учреждений и бывших резиденций царственных особ Северной столицы.

Как и большинство петербуржцев, Николая, который родился и прожил в граде Петра Великого большую часть своей недолгой жизни, величие родного города он воспринимал с чувством должного. За все 15 лет пребывания в Санкт – Петербурге он ни разу не сфотографировался рядом с Медным всадником, на Дворцовой площади он появлялся исключительно в составе школьной экскурсии, а Эрмитаж навевал на мальчика такую скуку, что он вовсе не замечал ни картин Да Винчи, ни купол Большой церкви, где венчался последний Российский Император. Единственный экспонат, о котором в его голове уцелели хоть какие-то сведения, была египетская мумия. Спроси его, кто поставил Петру I Медный Всадник – он бы и этого не вспомнил.

– А что это такое? – он указал на большое величественное здание.

Мальчик видел его далеко не в первый раз. Оно появилось здесь, на Садовой, 2, задолго до появления на свет отца, деда и прадеда Николая. Точнее, в самом начале XIX века. Принадлежал он тогда Павлу I – нелюбимому сыну Екатерины II. День его смерти стал для придворных и простых жителей Российской Империи настоящим праздником.

– Это..., – задумалась Ирина Фёдоровна. – Кажется, это Михайловский замок, – еле слышно ответила она. – Да, а там, – она указала пальцем на стоявший перед его фасадом памятник, – памятник Петру Великому. Я надеюсь, ты ещё не забыл, кто он такой?

– Ай, – отмахнулся Николай и уставился в окно.

– Да знаю я, ты не хотел возвращаться. Подрастёшь – сможешь уехать туда насовсем. Просто не сейчас.

– А когда? – раздражённо спросил сын.

– Я же сказала: когда пойдёшь, – спокойно отвечала Ирина Фёдоровна.

Машина свернула и они проехали перед замком. В окне во всём великолепии появился Пётр I. Этой ночью его фигуру освещала подсветка, что происходит далеко не всегда. В какой-то момент она отключилась и объёмная фигура всадника на постаменте обернулась тёмным силуэтом.

«Светает» – подумал Николай.

Город, со всеми его дворцами, музеями, парками, даже Смольный – всё погрузилось во тьму. Мальчик хотел было отвернуться, как внимание его привлёк не абы кто, а сам Пётр.

То ли бронзовая, то ли медная, фигура всадника, одобренная в своё время самим Петром I, шевельнулась. Не поверивший глазам своим, Николай протёр уголки глаз и прильнул к оконному стеклу.

– Мам, – прошептал он.

– М?

Ни то бронзовое, ни то медное изваяние дёрнуло рукой.

– Ты это видишь?

– Вижу что? – она обернулась к сыну. – Да вижу. Сотню раз уже видела.

Николай обернулся к матери с горящими глазами.

– Он шевельнулся! – выпалил мальчик.

– Три часа ночи.

– Говорю тебе, он шевельнулся!

– Три. Часа. Ночи. – напомнила Ирина Фёдоровна.

– Да я сам видел!

– Весь в отца. Такой же приколист, – кивнула женщина.

– Но... Ай! – Николай отвернулся от матери и проводил то ли медное, то ли бронзовое изваяние взглядом.

– Не думала, что скажу тебе это снова, но, очень тебя прошу, – спи!

Он смотрел в окно до тех пор, пока памятник не скрылся из виду. Николай схватился за голову. Тот ночной кошмар так и не выветрился из его головы. Час назад он был уверен –

это был просто плохой сон. Никого в его комнате не было и не могло быть. Ему просто приснился кошмар – со всеми бывает. Теперь, увидев как памятник Петру I почти сошёл со своего коня, дабы прогуляться по залам близлежащего замка, Николя начал верить, будто ночное происшествие – не кошмар вовсе.

– Тогда что? – вслух спросил сам себя он.

– Ты что-то сказал?

– Нет, – рассеянно ответил юноша.

Николя откинулся на спинку кожаного автомобильного сиденья и моментально уснул.

Три двери автомобиля одновременно захлопнулись. Николя пересел на заднее сиденье. Ирина Фёдоровна уселась на пассажирском сидении, водительское место занял Георгий Александрович.

– Может, всё-таки я поведу? Ты поспишь?

– Хорошая шутка. Пока ты за рулём, поспать мне точно не удастся.

Георгий Александрович отрегулировал сиденье, зеркала, руль и они уехали с парковки аэропорта.

Крупный и высокий отец семейства совсем переиначил обстановку в салоне. Слева от Николя теперь вовсе не осталось места. Всё пространство занял папа. Это был очень крупный мужчина. Его появление сложно было бы не заметить. Родись Георгий Александрович на несколько столетий раньше, его бы обязательно прозвали богатырём. Николя повезло унаследовать конституцию со стороны Ирины Фёдоровной – спортивной и невысокой. Что до её супруга, то уже этим утром жена посадит его на очередную диету.

Настроив всё под себя, он в водительском кресле уехал чуть ли не целиком в салон.

За окнами постепенно светало.

– Знаешь, что этот товарищ учудил? Он мне начал заливать про живых статуй, – успела доложить Ирина Фёдоровна до того, как её одолел страшной силы зевок. – Как ты когда-то.

Зелёные глаза Георгия Александровича бесстрастно уставились на пустую дорогу до Санкт-Петербурга. За плечами у него двенадцать часов перелёта, сутки в зале ожидания задержанного рейса и целая неделя не самых продуктивных переговоров с «их тайскими коллегами».

– Ха, – задумчиво отозвался Георгий Александрович. – И что на этот раз?

– Как что. Он мне сказал, что памятник двигается.

Оленев-старший задержал взгляд на отражении Николя в зеркале. Тот сидел на заднем сиденьи, скрючившись. Голова его упала набок.

– Коля?

Тишина.

– Какой памятник двигался? – всерьёз спросил он сына.

– У Михайловского, – сонно отозвалась Ирина Фёдоровна.

Георгий Александрович задумчиво кивнул и ответил как ни в чём не бывало:

– Ну, ничего. Давно ты у нас не был! Забыл небось всё!

Молчание.

Ирина Фёдоровна обернулась назад и покачала головой:

– Спит.

– Совсем спит?

– Кто его обрадует?

– Ясно, – кинул Георгий Александрович. – Мне этим заняться?

– Ну да, – отвечала жена.

– Я тоже что-то такое видел в его возрасте, – замялся отец. – Легенда есть. Будто памятник этот и правда двигается.

– В три часа ночи?

– Ну да. Он же памятник. Ему вообще некуда торопиться. Захочет – сойдёт с камня своего в три часа ночи, не захочет – там и останется.

– Жора, ты о чём? – спросила Ирина Фёдоровна с сомнением в голосе.

– Да ничего! – отмахнулся он. – Привидится же такое.

– М?

– Спи говорю! – шикнул он в ответ.

– Не хочу.

Георгий Александрович тревожно забарабанил пальцами по рулю.

– Ты не замечала за ним ничего странного?

– Странного? – переспросила Ирина Фёдоровна.

– Ну да... чего-то странного.

Ирина Фёдоровна открыла было рот, как салон залился жёлтым светом. Позади раздался автомобильный сигнал. Женщина подскочила на своём переднем сидении. Георгий Александрович резко взял в сторону. В салоне на заднем сидении рухнул на пол Николая.

Мимо них пронеслась машина.

Георгий Александрович просигналил хулиганам и готов был выругаться, как рука Ирины Фёдоровны оказалась на его плече. Он только громко выдохнул и дальнейший путь они провели в тишине.

Николя открыл глаза: салон автомобиля залил жёлтый свет фар. Мальчик беспомощно уставился в отражение зеркала заднего вида. Он всё больше верил, что приснившийся ему кошмар – не кошмар вовсе. Не сон вовсе. Что-то или кто-то было в ту ночь в его комнате. В комнате на последнем этаже охраняемого дома на севере Петербурга.

В памяти мальчика плотно засело четверостишие. Вместо того, чтобы выветриться из его головы как дурной сон, коему отведён срок в пару секунд после пробуждения, тот крепко засел в его памяти.

...ведь твоё жилищ-щ-щ-е.

На моих костях...

дом твой давит кладбищ-щ-щ-е

— Наш отпетый прах

Николя мог повторить этот стишок из сна даже сейчас, и, как ему казалось, будет помнить ещё очень долго. В то время как одну из самых жутких ночей он помнил подетально, свои детские сны о горах мороженого или полётах на ковре-самолёте по Петербургу он уже никогда не вспомнит.

История одного города

– Это вообще законно? – Гриша указал на толпящихся у доски с телефонами в руках первоклассников.

С Гришей они учились в одном классе. Ещё до его отъезда к бабушке во Францию, было решено: по возвращении он пойдёт учиться в ту же школу.

Мальчики миновали 1Б и теперь шли в сторону своего класса.

– А что не так? – не понял Николая.

– Они фоткают домашнее задание. Фоткают! Фоткают, Карл!

– Да понял я, понял! Ну и что? – с плохо скрываемым равнодушием спросил мальчик.

– Потерянное поколение! – Гриша театрально всплеснул руками в воздухе. – Мама так говорит, – прошептал он.

– Ты сам-то когда шариковую ручку в руках держал в последний раз? – усмехнулся Николай.

Гриша огляделся по сторонам и прильнул к приятелю.

– А правда, что французские девушки самые раскрепощённые. А французский поцелуй? У тебя там был французский поцелуй? – не унимался Гриша.

Николя так ничего и не ответил.

– Или ты не отходил от бабушки весь этот год?

Николя дорого бы отдал за то, чтобы вернуться в свою французскую школу, на свою французскую улочку в пригороде Парижа к своей французской бабушке. После цветущей Европы гранитный Петербург навевал на Николая скуку, чаще просто отчаяние.

Он предвкушал возвращение в родной коллектив, однако, спустя 10 минут пребывания в стенах родной школы, тоски по одноклассникам будто и след простыл. Кто-то из парней заметно вытянулся, девчонки сменили рюкзаки на сумки. Только Маша Юрьевская выглядела как обычно: на парте висел её лиловый рюкзачок, волосы этим утром мама заплела ей во французскую косичку, на правой руке блестел металлический браслет с надписью KORN. Ничего удивительного – это ведь Маша Юрьевская. Что вообще творится в головах этих отличников, которых то и дело ставят в пример родители своим детям, не зная, в общем-то об этих отличниках ничего кроме того, что те – отличники?

Сергей Михайлович вплыл в класс, дети встали и этот низкорослый пузыреобразный мужичок начал урок литературы.

Как он ни старался, а первый бал Наташи Ростовой на Николая должного эффекта не произвёл. Взгляд мальчика бродил по портретам живших когда-то учёных, поэтов, писателей. Затем перекинулся на слова Гимна Российской Федерации, что висели чуть поодаль портретов Евклида с Пифагором. Николая почти дошел до строчки о «союзе вековом», как слух его уловил постукивающие звуки.

В оконное стекло стучалась птица. Своим маленьким клювиком она тихонечко, как то и подобает всем петербургским птичкам, извещала о своем прилёте. Николая улыбнулся и оглядел класс – глаза одноклассников были обращены на Сергея Михайловича. Тот, кажется, уже достиг nirваны, описывая реалии жизни женщины эпохи Толстого. Пернатого гостя будто никто и не заметил.

Мальчик вновь обернулся к окну, но птички уже и след простыл. Николая попытался нарисовать в голове «портрет» пернатого визитёра, но ничего не вышло. Как и все подростки XXI века, он прекрасно разбирался в логотипах производителей гаджетов, одежды и обуви, но покажи ему листья с разных деревьев – он кроме как дуба никого и не признает.

По размерам своим птица походила на питерского воробышка. Но Николая точно помнил – воробьи красочностью оперения не блещут. А этот его новый знакомый носил пёструю шубку с жёлтыми вкраплениями.

Окна их класса выходили за школьный двор. Тот пустовал – первоклашки всё ещё старательно выводили закорючки и узелки в своих тетрадках в косую линейку, а старшие классы вовсе не надеялись выйти на свет Божий ранее 7-го урока.

Николая с тоской посмотрел на детскую горку с качелями. Он сегодня для них слишком взрослый. Он начал откапывать в своей памяти эпизоды о последнем катании с детской горки, как внимание его привлекла тёмная фигура у дальних деревьев. Высокая, статная, она точно принадлежала не человеку. Тёмный силуэт шевельнулся. Из тени дерева высунулась мордочка. Николай перевёл взгляд на Сергея Михайловича, затем оглядел класс – все-таки, он единственный, кто так и не проникся первым выходом в свет этой Наташи Ростовской.

Тёмный силуэт тем временем вышел из-под кроны дерева. Перед Николаем, пусть и через оконное стекло, предстал... олень. Самый обыкновенный олень. Тот самый, в кого вырос в итоге Бэмби. Обыкновенный олень!

– Олень! – вскочил Николай с вытянутым вперед указательным пальцем.

Класс затих. Ножки чьего-то стула заскрежетали по полу. Сосед по ряду перевалился к окну, которое с интересом теперь разглядывал Сергей Михайлович.

Учитель блеснул стёклами своих очков в толстой оправе и вернулся на место. Класс уже залился хохотом, как до этого мягкий и, как казалось, отходчивый Сергей Михайлович сказал:

– Мсье Оленев, вы здоровы?

– Оленев, да ты сам олень! – хохотнула Юрьевская. – Совсем бабахнутый, блин.

– Юрьевская, отвянь, – бросил девочке Гриша.

– Для тебя я Юрьевская Мария Павловна. Ко мне на «вы» и шепотом, пожалуйста, – кокетничала девочка.

– Кто-нибудь, подарите ей мозг, – прошептал Гриша.

– Оленев, я вижу здесь только одного оленя, – объявил учитель.

Николай уселся за парту под смех всего класса.

– Эта ваша Франция, Коля, сделала из вас вольнодумца. Так себя на уроках вести не положено, – прогремел Сергей Михайлович. – Класс, чем закончилось вольдумство для Франции?

Молчание.

– Великой французской революцией!, – ликующе объявила Маша.

– И приходом пролетариата ко власти здесь! – декларировал Сергей Михайлович классу.

Школьный звонок перечеркнул всю историю Великой французской революции, против него не смог пойти даже Лев Николаевич Толстой. Урок литературы окончился для всего класса, но не для Коли. Шестое чувство, нутро, третий глаз – назови как угодно, – мальчику было ясно как день: дома ему сегодня несдобровать.

Ирина Фёдоровна встретила сына тепло, будто разговора с Сергеем Михайловичем и вовсе не было. Она спросила про его первый день в «старой новой школе», расспросила об одноклассниках – особенно её интересовала «эта странная» Маша Юрьевская, в которой будто «что-то не так».

Погода за окном не радовала вовсе. Потому с час мальчик провёл за уроками, 45 минут из которых он отвёл решению тестовых заданий по истории, которую думал сдавать в формате ЕГЭ в будущем. Позже он перешёл к алгебре, в которой системы шли на отлично, пока снизу не донёсся голос Георгия Александровича.

Глубоко вздохнув, Николай отодвинул от себя рабочие тетради с учебниками и спустился вниз. На кухне юноша уселся напротив окна. Он по опыту знал – с таким видом на парк выслушивать воспитательную лекцию от родителей будет удобнее всего.

Отец беззвучно вошел на кухню, налил воды в чайник, поставил его кипятиться. Затем достал колбасу из холодильника, вытащил квадрат белого хлеба из упаковки. Казалось, он и не догадывается о присутствии с ним в одной комнате еще одного человека. А уж тем более его собственного сына.

– Ты меня звал? – не выдержал Николая, чем сильно напугал собирающегося нарушить свою диету Георгия Александровича.

Его тучная фигура всколыхнулась от неожиданности. Взрослый упитанный мужчина схватился за сердце, нож выпал из его рук прямо на пол. Георгий Александрович громко выдохнул и обернулся к сыну.

– Чего отца пугаешь!

– Ты ж меня звал.

Папа облокотился всем своим телом о кухонный гарнитур.

– Ира, он меня чуть до инфаркта не довёл! – пропел мужчина в коридор.

Та ничего не ответила.

– Я правда видел оленя!

– Чё?

– Ну, в школе. На литре.

– Чё?

– Сергей Михайлович с тобой...

На кухню с корзиной грязного белья вошла Ирина Фёдоровна. Она посмотрела смеющимися глазами на Николая, затем ответила мужу:

– Учитель по литературе хотел меня видеть. А насчет колбасы мы с тобой уже говорили, – кивнула Ирина Фёдоровна на лежащие на кухонной тумбе батон колбасы и буханку хлеба.

– Зачем?

– Коленька устроил дебош сегодня на уроке литературы.

– Какой еще дебош, Николай?

– Я видел оленя! – вскочил с места мальчик.

Сергей Михайлович посмотрел на жену, затем на сына и сказал:

– Ладно. Я сам с ним разберусь.

Ирина Фёдоровна пожала плечами и вышла. Дверь за ней закрылась. Николай поёжился.

– Всё нормально, – внезапно ответил папа.

Николай уставился на отца, будто видел того впервые.

– Что так смотришь на меня? У тебя сейчас переходный возраст. Ты мне, главное, маму не обижай и с шалопаями в дружбу не ввязывайся, – погрозил он пальцем.

Мальчик с непониманием уставился на Георгия Александровича. Тот было уже развернулся к бутерброду, как вспомнил что-то и вернулся к Николаю.

– А что за олень там был?

– Олень? – переспросил сын.

– Ну да, – взглянул отец на сына через плечо. – Какого оленя ты видел?

– Да обычного оленя..., – растерялся юноша.

Георгий Александрович тем временем начал нарезать колбасу.

– Мы ведь не просто так носим эту фамилию – Оленевы. Знаешь, откуда она произошла? Мальчик отрицательно повертел головой.

– Наш с тобой предок, говорят, барских кровей был, – протянул он. – После революции, конечно, мало что уцелело... да и мало кого из бывших землевладельцев новая власть то щадила. Не говоря уже о титулованных. Короче, – развернулся он к сыну. – Родился у бояр мальчик, не не смогли они его оставить. Отдали его воспитателям, отвели поместье – ну, всё как в те времена было принято...

– Какие времена?

– Век эдак XVIII. Может, XIX.

– А что за бояре?

– Неизвестно. Ходила легенда, мне её ещё твоя бабушка французская рассказывала, что бояре эти в городе были очень влиятельными людьми.

– В каком городе? – не унимался мальчик.

– В Петербурге естественно! Ты вообще чем слушаешь? Ай! – отмахнулся Георгий Александрович, – в общем, слушай: мальчика этого завернули в оленью шкурку и вынесли из дома. Когда выбирали для него фамилию, биологические-то родители свою ему дать не могли, посмотрели на его одеялко и назвали Оленевым. А так как в моде был французский язык, то... до революции его потомки ходили под фамилией Оленёв.

– Странно звучит.

– Сейчас странно, а тогда – самое оно. Я так думаю, её поминутно ещё и коверкали по самое не хочу. Оленевье какое-нибудь. Почему нет?

– Но сейчас-то мы Оленевы. Ударение на о.

– Верно, – кивнул Георгий Александрович, отрезая себе на бутерброд щедрый кусок колбасы. – Но это теперь, после революции 1917 года. После свержения монархии... Ты ведь понимаешь, о чём я? – с сомнением спросил он сына.

В голове Николая пронеслись параграфы из справочка по подготовке в ЕГЭ по истории и он утвердительно кивнул.

– В общем, после прихода ко власти большевиков начались всяческие гонения на так называемых «бывших людей». Дворяне, титулованные, землевладельцы, потом и зажиточных крестьян под одну гребёнку сгребли.

– А почему их называли бывшими людьми?

– Потому что раньше они были привилегированным классом. А после революции потеряли свой статус и вмиг стали никем.

– Они стали как и все, так?

– Нет конечно. Несмотря на то, что власти ввели уравниловку, «бывшим людям» на неё рассчитывать не приходилось. Их потом лишили каких-либо прав. Могли уволить с работы просто потому что ты сын или дочь дворянина. У таких детей – даже твоих ровесников – было мало шансов даже на получение высшего образования. Считалось, «бывшие люди» не в состоянии построить социализм, только палки в колёса ставить могут.

– А если они были на голову выше остальных? Их ведь брали на работу?

– Нет. Партии было спокойнее, если место занимает потомственный пролетарий, а не выходец из дворянской семьи. В то время твой... если я правильно посчитал, прапрадедушка поменял ударение в нашей фамилии. С тех пор мы Оленевы. Это стоило больших трудов, чтоб ты знал. Он, как это тогда называли, «выхлопотал» свою и наши с тобой жизни. А не то... – Георгий Александрович он запнулся

– Почему тогда все «бывшие люди» фамилии не поменяли?

– Не у всех были люди, которым можно было бы доверять. У нашего с тобой деда такие были. Он ведь Императорское училище правоведения успел окончить. Дальше – война, потом – революция, затем – училища этого вовсе не стало. Сохранились у него к тому времени какие-то контакты, как это сегодня принято называть, – он откусил кусок от бутерброда.

Прожевав, он спросил:

– И ты так и не ответил на вопрос.

– Какой?

– Ты ничего странного не видел?

Николя с тоской смотрел на проносящиеся в далеке автомобили. Полагая, что чему быть, того не миновать, Николая поплёлся домой сразу после школы. Вообще, он ожидал драмы, тра-

гедии, какого-нибудь катарсиса. На деле отец воспринял его поведение на уроке литературы за шалость и даже расспрашивать не стал. Что касается Сергея Михайловича – то ещё очень не скоро он найдёт в себе силы, чтобы поставить Николая пятёрку.

Мальчик никак не мог взять в толк что могло означать это видение. Да что вообще могут подразумевать под собой видения? Кроме того, что человек, что видит их, не своём уме? Той ночью он не спал, и то был не кошмар, а самая настоящая, пугающая похлеще самой жуткой выдумки, явь. Вновь в его голове прозвучал тот же самый стишок:

*...ведь твоё жилищ-щ-щ-е.
На моих костях.
...дом твой давит кладбищ-щ-щ-е
— Наш отпетый прах*

Николя рывком придвинул к себе ноутбук и вбил в строку поисковика слова из стишка. К его великому удивлению всемирной сети эти строки были хорошо знакомы. По самым молниеносным подсчётам, до запроса Николая, эти слова упоминались в интернете более 20 млн. раз.

Мальчик нажал на верхнюю строчку в списке найденных источников, которая так и глаголюла:

Яков Полонский – Миазм (1868)

Видел бы его сейчас, читающего поэзию XIX века, тот же Сергей Михайлович. Даже в самых своих дерзких мечтах он не мог добиться заинтересованности среди своих учеников хоть к какой-нибудь рифме. Помимо dr. DRE⁴ с Oxxumiron⁵, конечно.

Николя прочёл стихотворение несколько раз, затем просто уставился на монитор, будто именно так от него не ускользнёт нечто такое, чего его глаза столь упорно не замечали при всех прошлых прочтениях.

Убедившись, что никаких тайных знаков и шифров для него, Николая, текст не содержит, он просто открыл страницу интернет-энциклопедии об авторе. Ровным толком так ничего и не узнав, мальчик попытался найти хоть что-нибудь о самом стихотворении. Лирика XIX века ему, жителю XXI столетия, была вовсе невдомёк. Николая схватился за голову. У него оставался единственный выход – Сергей Михайлович.

– Что-что? Не понял? – переспросил учитель.

– О чём это стихотворение? – замялся Николая.

– Ну, как о чём. Об эпохе Петра Великого – тут ведь так и написано. Оленев, ты вообще читать по-русски разучился?

Николя виновато развёл руками в воздухе и глупо улыбнулся.

– Ох, Оленев! Смотри! – Сергей Михайлович надел очки и приложил палец к бумаге. Он провёл пальцем вниз, пока не остановился на нужной строчке. – Вот ведь, чёрным по белому: призваны мы были при Петре Великом, – учитель многозначительно посмотрел на Николая.

Мальчик вопрошающе уставился на Сергея Михайловича.

Тот громко вздохнул и, не отводя взгляда от сконфуженного ученика, сказал:

---

⁴ Всемирно известный рэп-исполнитель, продюсер, актер, один из основателей Beats Electronics – производителя аудиоборудования высокого класса, основатель такого направления как джи-фанк, важнейшая фигура в шоу-бизнесе современности.

⁵ Русский хип-хоп, грайм и рэп-исполнитель, его часто называют «русским эминемом», обладатель премии «Человек года» по версии GQ 2012 года, ярчайший представитель российского шоу-бизнеса.

– Этот момент я вынесу на учительский совет, – пригрозил он. – Эти строки о строителях Петербурга. Тех самых, кто строил Петропавловскую крепость, здание Двенадцати коллегий, летний дворец Петра I и так далее и тому подобное. Со всей Руси Пётр I созвал рабочих для постройки этого города. Напоминаю: на дворе начало XVIII века. Люди работали в жесточайших условиях. Многие, очень многие, погибали. Если уж на то пошло, среди некоторых историков бытует мнение, будто население России сократилось от 20 до 50%. Мне сложно сказать, правда это или нет, однако, то, что наш город стоит на костях – это факт.

Кто-то окликнул Сергея Михайловича и тот оставил Николая наедине с его мыслями. Тот с минуту перечитывал указанную учителем строчку. В голове крепко засели летающие простыни с двумя прорезями для глаз.

– Этого не может быть, – пытался убедить себя Николая. – Такого не бывает, – шептал он, не осознавая, что говорит вслух.

– Ась? – раздался рядом голос.

Николя подпрыгнул от неожиданности.

К нему на ходу присоединился Гриша. В руке он держал надкусанный пирожок.

– Хоф? – с набитым ртом спросил мальчик, протягивая пирожок товарищу.

Николя категорично замотал головой.

– Я бы и тебе не советовал это есть. Чёрт знает, что они туда вместо мяса кладут.

– Ты какой-то кислый. Литератор привязался?

– Нет. Наоборот. Мы с ним стихотворение разбирали.

Гриша остановился, схватил Николая за плечи и посмотрел тому прямо в глаза:

– Какие к черту стихи? Где Коля? Кто ты и что ты с ним сделал?

Мальчик, смеясь, вырвался из Гришиных рук.

– Так что за стихи? – не успокаивался друг.

Николя дал Грише листок с распечатанным «Миазмом». Мальчик начал читать и они медленно прошли до школьной столовой.

– Это вообще что?

– Стихи, – простецки ответил Николая.

– Да про что они, можешь мне объяснить?

– Про строителей Петербурга. Про первых его строителей. Нам об этом еще в начальной школе рассказывали, я совсем забыл.

Гриша так и не подал признаков понимания.

– Ты что, не знаешь? – усмехнулся юноша.

– Моя сестра, философ по образованию, обычно отвечает так: я знаю, но не помню. Вот и я тоже. Знаешь, у меня в начальной школе тоже была история города, но ни черта оттуда не помню. Но знать-то я знаю...

– Наш город стоит на костях, Гриша, блин, – засмеялся Николая.

Гриша устремил взгляд вдаль и прищурился, будто там, у входа в школьную столовую, точно должен быть ответ на все вопросы бытия разом. Включая этот самый стих, конечно.

– А, я вспомнил. Ну да. Пётр пригонял сюда людей для постройки города, но кто-то, видимо, до 1703 так и не дожил, – пожал он плечами. – Дальше-то что?

Николя не мог рассказать ему. Даже намекнуть. Друг моментально признает его сумасшедшим. Да где это видано вообще, чтобы психически здоровому, ничего не употребляющему подростку, призраки посреди ночи в комнату являлись?

– Да ничего, – пробубнил Николая и сложил лист.

На обед давали щи и картофельное пюре с котлетой. Николая прижал котлету вилкой, из неё ту же минуту вытекла добротная порция сока.

– Вот поэтому вегетарианство мне не грозит.

Расправившись с обедом, мальчики засели в телефоны. Пока Гриша просматривал свою ленту новостей в одной из социальных сетей, Николая ввёл в поисковую строку следующие слова:

Императорское училище правоведения⁶

После скупой статьи о Полонском в Википедии, Николая без особой надежды перешёл по ссылке туда же, но уже в раздел об Императорском училище правоведения. В статье утверждалось, что за всё время своего существования учреждение выпустило более 2 000 высококвалифицированных специалистов. Но революция 1917 года не пощадила и это место. В 1918 училище закрыли, сегодня там расположен Ленинградский областной суд.

Николая пробежался взглядом до конца статьи, пока глаза его не выпепили «чижика-пыжика». Неосознанно, почти сам собой, большой палец Николая перешёл на статью о Чижике-пыжике. В памяти его возник пернатый гость, который за пару минут успел возвести мальчика о появлении на школьной площадке оленя и одновременно с этим выставить его на посмешище перед учителем и одноклассниками.

– Кстати, а что за олень вообще был? – очнулся Гриша от смартфона. – Я так и не понял.

– Ты тоже смеялся, – не отрываясь от экрана мобильного телефона, отвечал Николая.

– Да! Но я так и не понял.

– Как чиж выглядит? – спросил он друга прямо в лицо.

– Ну..., – протянул Гриша, – он старый и поёт⁷, – со знанием дела отвечал мальчик.

– Да я про птицу!

– А! – просялся Гриша. – Да я понятия не имею.

Благодаря бесплатному школьному wi-fi, который из года в год хочет запретить к использованию учениками родительский комитет (он ведь мешает детишкам учиться), Николая перешёл к статье о чижах в известной энциклопедии. Во весь экран телефона расположился недавний пернатый знакомый – та самая птичка, чье постукивание клювиком по стеклу слышал один лишь Николая на весь класс.

Мальчик внимательно изучил иллюстрации в энциклопедии. От воробья чиж отличался разве что окрасом. По крайней мере, любой, кто не свяжет свою жизнь с орнитологией, так и скажет – чиж это тот же самый воробей, только окрас другой. И только человек, гордо именующий себя орнитологом, заметит, что обе птицы принадлежат к воробьиным. Николая понял: не просто так памятник Чижике-Пыжику стоит возле здания, где ранее располагалось Императорское училище правоведения, где в свое время учился его дальний предок. Николая пожил слишком мало, чтобы понять – насколько это мало – каких-то двести лет на карте истории.

– Ты мне тоже не веришь? – шепотом спросил Николая Гришу.

– Не верю во что? – не отрываясь от смартфона переспросил друг.

Николая выхватил телефон из рук одноклассника и, закрыв экран устройства руками, еще раз задал вопрос.

– Да о чём ты? – опешил Гриша.

– Я видел оленя.

Гриша закатил глаза.

– Я серьезно тебе говорю! Я его видел! И чижика тоже! Ох... – Николая размяк на стуле. – Короче, – предупредил Николая Гришу. – В тот день я действительно видел оленя. А перед этим там летал чиж.

---

⁶ Одно из самых престижных учебных заведений дореволюционной России. 1835 – 1918 гг. Среди выпускников значатся композитор Петр Чайковский, государственный деятель Александр Гамм, министр внутренних дел Иван Горемыкин и др.

⁷ Персонаж перепутал птицу с музыкальной группой с одноименным названием. Группу создал в лохматом 1999 году её бессменный лидер – Сергей Чиграков.

– Да какой еще чиж?

– Как этот! – Николая ткнул лицо друга в экран своего смартфона с открытой страницей о чиже. – Это чиж.

– О'кей, – отозвался Гриша, будто он врач, а Николая – раковый пациент, который пришел рассказать до чего это классно – гомеопатия. – Этот чиж говорил с тобой?

– Ой, ну хватит, – обиделся Николая. – Я ведь серьезно говорю!

– Ладно. – кивнул друг. – Расскажи мне о нем. Об этом... чиже.

– Ты всё ещё мне не веришь, – кольнул друга Николая.

– Да ты мне ничего и не рассказал! – развёл руками Гриша.

Николая с опаской огляделся по сторонам с таким видом, будто сидят они с Гришей не в школьной столовой, но вагоне метро в час пик, да еще и где-нибудь в Северной Корее, где и у стен есть не только уши, но и рот.

– Перед появлением оленя во дворе, ко мне прилетел чиж. Он сидел на подоконнике и стучался клювом в окно. Но его никто не слышал.

– То есть только ты один его слышал? – не понял Гриша.

– Ну а я что тебе говорю! – вспыхнул Николая.

Гриша примирительно выставил перед собой руки.

– Да ладно, ладно. Рассказывай! Только не кричи, очень прошу!

– Ладно, – вздохнул Николая. – Он стучал по окну, но никто его не слышал. Потом появился олень. Я думал, птица сейчас чего-нибудь испугается и улетит, но олень! – с жаром произнес мальчик. – Олень – это слишком круто. Оленя должны были заметить все! Но...

– Никто его не увидел.

– Ты дашь мне рассказать или нет? Мой предок с отцовской стороны учился в Императорском училище правоведения. На той стороне стоит памятник Чижику-Пыжику.

– О! – Гриша провел ладонью перед собой, – реальность отчётлива как никогда прежде! Николая зло зоркнул на друга.

– Я не закончил!

Гриша поставил локти на стол с тем видом, мол, ничего интереснее он ещё в жизни не слышал.

– Учащихся этого училища называли чижиками-пыжикам из-за схожести цветов их формы с окрасом чижей⁸. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Гриша уставился на Николая. В его мозгу проходил процесс обработки чего-то посложнее, чем выведение математических корней из четырёхзначных чисел.

– Причём тут олень? – вдруг отозвался мальчик.

Николая делано уронил голову на стол.

– Забудь, Гриш. Ты про всё забудь.

– Нет, я серьезно, – друг постучал по макушке Николая. – Чиж – это твой предок со стороны отца. – он положил голову на бок. – А олень? Он-то здесь причём вообще?

– Оленев! – раздался вопль рядом.

Николая подскочил на месте. Только Гриша медленно обернулся на источник звука. То была Таисия Степановна. Высокая и худая, с пучком седых волос на голове, она считала математику чем-то большим, чем школьной дисциплиной, – религией. Впалые щёки, острые скулы и туго убранные волосы. Эта женщина будто сошла с киноплёнок со старыми советскими фильмами. Кстати, всяким смартфонам, в такт своему «образу», она предпочитала проверенную классику – Nokia 3310.

---

⁸ Из-за схожести цветовой гаммы униформы учащихся Императорского училища правоведения прозвали чижиками-пыжиками. Пыжик – это молодой Северный олень возрастом до года, их мех присутствовал в отделке шапок учащихся Императорского училища правоведения. Отсюда полное прозвище – чижики-пыжики.

– Оленев! Для тебя особое приглашение нужно?

– Но... – залепетал Никола.

– Звонок для учителя, – шёпотом ответил ему встающий со своего места Гриша. – Алгебра ждать не будет.

Мальчики встали из-за стола и последовали в класс под конвоем Таисии Степановны. Втроём они попали в школьный коридор.

– Так ведь звонка ещё не было, – осмелился повернуться к шедшему позади них учителю Гриша.

– Потому что он для учителя!

Николя ткнул локтём друга.

– Это безнадежно. – прошептал он. – Она ещё моего папу учила. Она меня сразу невзлюбила, как я в первый класс на линейку пришёл.

– Знаешь, это многое объясняет, – вздохнул Гриша.

– Только не то, что значат все эти олени с чижками, – хмыкнул мальчик.

– Может, это фамильяр? Ну, семейный тотем или как там его?

– Я ведьма, по-твоему? Фамильяры у ведьм обычно.

– Тогда патронус! Да! Это твой пратронус! Всё сходится: ты ведь не зря Оленев? А не тот же Голубкин?

– Мы помним, что случается с теми, кто опаздывает на урок? – подала голос Таисия Степановна.

Николя прильнул к Грише.

– Она ведь помнит, что звонка ещё не было?

– Оленев! Ты бы таким разговорчивым у доски стоял, ей-богу!

Гриша обернулся к учителю.

– Мы всё помним, Таисия Степановна, мы ничего не забыли. Мы идём так быстро, как нам только позволяют сделать это школьные правила по поведению! Если мы будем идти ещё быстрее, мы уже побегим, – заверил учительницу мальчик.

– Так ты мне веришь? – шепотом спросил Никола друга.

– Я готов поверить хоть в единорога с котом-всадником, только идём быстрее. Она у меня в затылке уже дыру проглядела!

Мальчики ускорили шаг и скрылись из виду Таисии Степановны. Впрочем, этот и любой другой забег не спас бы их от следующего урока – алгебры. В эти сорок пять минут ими владела Таисия Степановна. Она вызывала к доске, проводила внеплановые контрольные, назначала внеурочные часы и прочее. Спасти от этого учеников не мог бы и сам директор. Хотя бы потому что его самого следовало спасать от Таисии Степановны. Они с Ильёй Николаевичем не так давно отметили очередную годовщину со дня свадьбы. Никола хотел верить, что хотя бы поэтому их «математичка» всё-таки человек, а не пришелец с планеты Математика. И всё же надежды его на это с каждым годом таяли всё больше. И всё меньше свободного времени от алгебры у него оставалось и всё реже он находил в себе силы сочувствовать Илью Николаевичу.

Таисия Степановна уселась за стол. Её длинный тонкий палец скользнул вниз по списку учеников в классном журнале. В классе настала гробовая тишина. Никола показалось, что он слышит жужжание мухи где-то под потолком. Вызов к доске у Таисии Степановны не значил ровным счётом ничего хорошего. Эта женщина отрицала распад СССР и тогдашней системы школьного образования. Она, как и подобает её поколению, видела в математике отдушину. Пока вся гуманитарная наука была строго идеологизирована⁹, она и миллионы других совет-

---

⁹ Гуманитарная наука в СССР была строго идеологизирована. Под строгим контролем государства находилась литература, кинематограф и прочие виды изобразительного искусства. Развитие в этот период получали разве что точные науки. Для

ских граждан находили отдых в математических задачах. Тангенсы с котангенсами не подчинялись ни Ленину, ни Сталину – никому из вождей.

– Юрьевская.

Класс дружно выдохнул.

Пока Маша высчитывала координаты для кривой, Николая то и дело поглядывал в окно. Он отказывался верить, что ему всё это почудилось. Из птиц в тот день к окну их класса прилетала пара голубей. Проворковав с минуту, те удалились вверх. Но никакого оленя. Даже намёка на рогатого.

Николя убедился в том, что всё внимание Таисии Степановны поглощено кривой на доске и шепнул Грише:

– Патронус это вообще из Гарри Поттера.

– Значит, фамильяр.

– Да фамильяр у ведьм! – шикнул Николая.

Таисия Степановна медленно обернулась на шум. Придерживая своими тонкими пальцами край очков, она оглядела весь класс, хмыкнула и продолжила с упоением следить за выстраивающейся кривой на доске.

– Тогда что это?

Николя открыл было рот, чтобы ответить и так, с открытым ртом с застыл.

– Это Олень! – прошептал он. – Тот самый олень.

Гриша уставился на него с таким видом, будто пытался поймать в безумном взгляде приятеля хотя бы крупницу разума.

– Олень – это олень? Не могу не согласиться.

«Что если этот олень вовсе не ирреальное существо? Что если он самый обыкновенный олень, что водились тут, наверное, когда-то?» – рассуждал про себя мальчик.

Зазвенел звонок. В классе поднялся шум из расстёгивающихся молний сумок и рюкзаков, отодвигающихся стульев и поднявшихся голосов. Таисия Степановна не препятствовала этому, так как кривая на доске успела её очаровать. Как искусствовед перед Мадонной Бенуа Да Винчи в Эрмитаже¹⁰, так Таисия Степановна простояла, приложив пальцы к губам, половину перемены перед выведенной кривой на доске.

Уроки шли один за другим. Николая то и дело поглядывал в большое классное окно. Силясь увидеть то, чего там не было, мальчик начал видеть оленей и чижей в собаках, тенях, случайно попадающихся глазам предметам.

Оказавшись дома, он не стал даже отдёргивать шторы. Мальчик рухнул на кровать и забылся в полудрёме.

Он гулял по набережной Екатерининского канала. В реальной жизни он бы это место без навигатора в смартфоне и не нашел. Сейчас же он точно знал – это то место. Позади раздался звук шагов. Он обернулся. Позади него шёл высокий мужчина с пышными бакенбардами на лице и в офицерской фуражке. На нём был военный мундир, какие сейчас разве что в учебниках истории увидеть можно. На ногах красовались сапоги пугающего кроваво-красного оттенка.

Когда они поравнялись, незнакомец вытащил перед собой саблю. Он шел прямо на Николая. Шаг у него был уверенный, взгляд – стеклянный. Будто смотрит он не на Николая, а сквозь него.

Мужчина принялся стучать саблей по земле. Глядя своим бесчувственным взглядом далеко вперед, он отбивал оружием понятный только ему ритм. Он миновал оставившегося

большинства граждан тогдашней России математика стала отдушиной.

¹⁰ Одна из ключевых работ Леонардо Да Винчи, написана 1460-х-1470-х годах. В Россию картина попала в 1860-х. Считается одним из главных экспонатов музея.

на него мальчика. Звук ударяющейся сабли о гранитную набережную затмил всё вокруг. Незнакомец удалялся, а звук становился всё отчётливее, будто кто-то увеличил громкость. Никола закрыл уши руками. Звук только усилился. Оглушённый он рухнул на колени и тут же очнулся. Он лежал на кровати в своей комнате. От сновидения остался разве что звон в ушах. Никола встряхнул головой.

Звон в ушах?

Звук этот должен был слышать не только он. Там, за окном, за закрытой шторкой, кто-то отбивал уже знакомый Никола ритм. Мальчик взялся за телефон и включил камеру.

– Теперь-то мне все поверят, – прошептал он.

Николя выставил перед собой смартфон и сделал шаг к окну. Звук не прекращался. Он раздвинул шторы. На экране, будто из-за занавеса, появилась птица. Маленькая, серо-жёлтого окраса, в офицерской фуражке, она отчаянно стучалась своим клювиком в окно.

Птица заметила его.

Николя прильнул к окну. Незванный гость встал и принялся разглядывать мальчика своими глазами-бусинками. Он вообще не торопился улетать. Будто выжидал чего-то.

Николя отложил телефон и встал перед окном на колени. Птица тут же взмыла вверх и уселась на оконную ручку. Она с вызовом посмотрела на оторопевшего Никола. Тот только похлопал глазами. Казалось, одно неверное движение – и птица вновь взлетит, и на этот раз навсегда. Пернатый гость с особым упорством постучал по оконной ручке.

Николя медленно поднялся на ноги и отворил окно. Птица влетела в комнату. Описав круг под потолком, она гордо уселась на лежащую на столе стопку учебников. Фуражка на миг сползла чижиком на глаза. Тот поправил головной убор элегантным движением крыла и произнёс:

– Я уж начал переживать, вы меня не признаете, – прочирикал он.

Николя молча похлопал глазами.

– О, понимаю, звучит странно. А выглядит ещё и дико! Чиж, да ещё и говорящий! Вот ведь скандал на всю Ивановскую! Поверьте мне: всё совершенно нормально. Тут совершенно нечему удивляться. Я ведь не один такой.

Николя молча уставился на говорящую птицу. Голова его была пуста – не было в ней ни единой мысли, которая могла бы объяснить, почему птица разговаривает.

– Вашество, не молчите! – подпрыгнул чиж. – Нет, я серьёзно, – пролепетал он. – Вы меня пугаете!

Глядя по сторонам, Никола повернулся вокруг своей оси.

– Я сплю? – спросил он наконец.

– О... – чиж так и присел. – Вы ничего не знаете?

Николя замотал головой.

Чиж принялся ходить взад-вперёд. Он что-то чирикал себе под клюв, замер и повернулся к Николаю.

– Я ваш друг. Семён. – доложила птица.

– Семён, – эхом отозвался мальчик.

– Я давний друг вашего прапра... – чиж задумался. – Прадедушки. Предлагаю называть его просто прадедушка.

– Кто ты?

– Я ведь рассказал, – не поняла птица.

– Но как...

– Ах, вы об этом, – он дотронулся кончиком крыла до козырька фуражки. – Я таким родился. Таким – говорящим – я вылупился в тот день, когда ваш дед призвал меня.

– Призвал тебя? – переспросил Никола.

– Мой милый Никола... – начал было Семён.

– Как... откуда... это вообще возможно? – перебил его мальчик.

– Между потомками Петра I и этим городом существует непрерывная связь. Никакие дворцовые перевороты и революции этого не отменят.

– А я здесь причем? Хотя, погоди... мне рассказывали о нашем предке, рожденном в дворянской семье, которая оказалась не в состоянии о нем позаботиться. Ты о нём?

Семён склонил голову набок, силясь понять, не смеётся ли над ним мальчик.

– Друг мой, вы меня очень плохо слушаете, – отчитал Семён мальчика. – Повторяю: меж потомками Петра I и воздвигнутым им городом...

– Я потомок Петра Великого? Тут какая-то ошибка. Мой предок был из дворянской семьи.

– Коля. – отрезал чиж. – Твой предок действительно был царских кровей. Я в этом уверен. Мне об этом рассказали невыездные воды, купол Казанского собора. Об этом знают даже внутренние дворники домов-колодцев! И лишь ты один правды не разумеешь! Ты лишь на половину дворянских, – чиж тряхнул головой. – Царских кровей, – поправил он. – В тот день в Зимнем дворце родилось дитя. Его мать – фрейлина. Отец – Император. В твоих... ваших жилах течет кровь не просто рождённого в Зимнем дворце, но и его тогдашнего хозяина.

– Императора, – просиял Николая.

– Сильно не обольщайтесь, – устало произнес Семён. – Мы ведь не знаем, кто именно был отцом вашего предка.

– Он Император.

– Император Российской империи, – поправил его чиж. – Но мы не имеем точных сведений касаясь того, кто именно из венценосной семьи дал нам это ответвление.

– Что ты имеешь в виду?

– Николая, вы хоть приблизительно понимаете, до чего разные и непохожие Их Высочества занимали трон Империи? У нас были безумцы вроде Петра III, были солдаты типа Николая I, впрочем, без хороших государей тоже не обошлось, и всё же.

– И всё же что?

– Пока вы не знаете, кем именно из Романовых был этот ваш отец семейства, лучше на этом не заикливаться. Разочарование, мой друг. Нет ничего хуже разочарования, – вздохнул он.

– Мне кажется, мы не с того начали. Примет, меня зовут Коля. Мне пятнадцать лет и я тут живу, – Николая протянул чижу руку.

– Вы верно не заметили, что я всего лишь птица.

– Говорящая птица. Да еще и в фуражке.

– В фуражке авиационных сил Российской Империи, – отметил чиж, – Но дело вовсе не во мне.

– В ком же?

– Исключительно в Вас, Ваша Светлость.

– Объясни для начала, кто ты?

– Уже.

– Ох. Откуда ты тогда? Зачем ты здесь? И, что самое интересное, что ты здесь забыл? Да – и фуражка! К такому жизнь меня не готовила. Зачем тебе фуражка?

Семён неодобрительно окинул мальчика взглядом, поднял голову и начал:

– Вы ведь понимаете, что это за город?

– Санкт-Петербург.

– Это лишь одно из его названий. Это один из самых мистических городов мира. Кто-то его считает одним из красивейших мест на земле. На деле Санкт-Петербург – это нечто куда более серьёзное, чем иллюстрация на открытке. Он пережил революции, войны, болезни,

наводнения. Несмотря на свой юный возраст, град святых Петра и Павла¹¹ успел хлебнуть горя. Виной тому люди. Приезжие и коренные его жители. Именно люди сделали этот город таким, какой он есть сейчас. Строгий, царственный, воистину имперский. Без людей это место так бы и осталось клочком заболоченной земли с парой-другой людских поселений. В лучшем случае, они вместе с болотами отошли Швеции.

– История там, где есть люди. Разве не так?

– О, конечно, это так. Именно люди сделали здесь то, что здесь есть теперь. И именно люди сделали то, кем я являюсь теперь.

– Кто сделал тебя таким... таким говорящим?

– Вашество! – как мог распушился Семён. – Я вылупился таким, каков я есть – говорящим – не по собственной воле. Таким меня сделал один из ваших предков. О нём нам с вами известно чуть больше. Учился он в Императорском училище правоведения. В 1917 он, как вам должно быть известно, потерял всё. Вплоть до титула.

– Им пришлось сменить фамилию.

– Иного пути тогда не было. За день до моего появления на свет Божий он стоял на набережной Фонтанки. На нём была пыжиковая шапка. Он своими глазами видел, как его alma mater перестала существовать. Императорское училище правоведения национализировали.

– Национализировали? Что это значит?

– Это значит, что земля и здание, в которых располагалось Императорское училище правоведения, перешло во владение большевиков. Там обосновался Петроградский агрономический институт. Ваш дед стоял на набережной Фонтанки в тот день и видел, как со здания снимают символику Имперской России и заменяют её на серпы и молоты, – чиж заглянул Николая в глаза. – Вы ведь знаете, чудес и волшебства не бывает – их совершают сами люди. Так и произошло: родившемуся и прожившему при Царе человеку было горько видеть то, что ему пришлось видеть. Из горечи потери и беспросветной тоски по Отечеству я и появился. Я тот самый чиж, которому стоит памятник на набережной Фонтанки. Я происхожу из народного фольклора о нём. Меня создали сами петербуржцы. Наш с вами общий знакомый нашел меня в пыжиковой шапке – форме своего училища буквально на следующий день после того, как его alma mater разрушили.

– Но зачем? Зачем ты здесь? Коммунизм побеждён, капитализм здравствует. Сегодня совсем другие времена.

– Мой милый друг. У вас новые партии, новые цари, вы сам сильно отличаетесь от своего деда. Мир изменился – с этим спорить сложно. И всё же с каждым новым днём, новой эпохой, новыми людьми, приходит новая беда. Поэтому я здесь.

– Но...

– В своё время я выхлопотал для вас новую фамилию. Думаю, я заслужил чуточку вашего внимания?

– Почему я? – перебил Николая птицу. – Ты сам сказал: я не мой дед. Я даже не знал его. Да и не мог знать! Почему ты думаешь, что тебе нужен именно я?

– Вы потомок по крови – это во-первых. Вы подходите по возрасту – это во-вторых.

– По возрасту подхожу? – опешил мальчик.

– Вы – совершенно новое поколение жителей этого города. Вы не видели советов, о Российской Империи знаете из школьного учебника по истории. Поэтому-то вы нам и нужны. Город изменился. Случается, даже я не могу понять языка, на котором он теперь говорит. А ему есть о чём рассказать. Особенно, когда речь заходит о его безопасности.

---

¹¹ Вопреки заблуждению, будто Санкт-Петербург носит имя своего основателя – Петра I – на самом деле своё имя город получил от своих небесных покровителей: Петра и Павла. Важно отметить, что в XVIII веке значение придавалось дню крестин, а не дню рождения. Петра Алексеевича крестили 29 июня, в день Святых Петра и Павла. 29 июня 1703 года на Заячьем острове была заложена Петропавловская крепость, что и дало название будущему городу – Санкт-Петербургу.

– Нам? Какой ещё безопасности? – переспросил мальчик.

Стук в оконное стекло.

– О, гонцы прилетели. Ох уж эти городские воробьи! Здесь пролезут, там подсмотрят, тут подслушают. И ты в курсе всех событий в Петербурге! – торжествовал чиж и запрыгнул на оконную ручку.

Снаружи на Николая с подозрением уставился воробей. Один из тех, кто летает над линиями Васильевского острова и вьёт гнезда на чердаках заброшенных особняков на Каменном острове.

Семён подпрыгнул и окно отворилось. За долю секунды он оказался снаружи, где они с незнакомым Николая воробьём поклонились друг другу и, кажется, собирались взметнуть вверх, как мальчик подбежал к окну и выпалил:

– Я еще не закончил! У меня куча вопросов!

– Ни слова более! До завтра, мой милый друг! – крикнула птица, готовясь ко взлёту.

– Почему ты носишь эту фуражку? Знает ли папа о том, кем на самом деле были его предки?

Чиж замер и обернулся к Николаю:

– Когда-то в этом городе жили преимущественно чиновники и военные. Они составляли значительную по своей численности прослойку населения. Я просто отдал предпочтение офицерской службе во благо этому городу. Поэтому вы не одиноки. Завтра я расскажу вам всё, что необходимо знать, а сейчас меня ждёт Пётр Павлович – отвечал чиж и их след простыл.

Очень быстро и без того маленькие птички превратились в две тёмные точки на горизонте.

Николя от досады топнул ногой. Он закрыл окно, плюхнулся на кровать и взял телефон в руки. Даже если он и покажет это видео Грише, тот всё равно не уверует в существование говорящих чижей или гуляющих самих по себе оленей. Николая успел заснять лишь сидящего снаружи чижа. И то, с каким любопытством он его, Николая, рассматривает.

– Это даже на пару лайков не тянет, не то что на доказательство сверхъестественной природы Петербурга, – грустно подытожил Николая и спустился к обеду.

Все семь уроков Николая провёл в неустанном бдении у школьного окошка. Там мелькали люди, их собаки, даже парочка дворовых котов. И ни намёка на чижа Семёна. Мальчика уже вовсе не смущал тот факт, что его новый пернатый друг разговаривает по-человечьи. Куда больше его интересовало, что ему, ученику старших классов, человеку, который вот-вот в последний раз переступит школьный порог и войдёт в новую – взрослую – жизнь, хочет рассказать о ней птица? Николая, коренной житель хмурого, прагматично настроенного Петербурга, слабо верил в то, что знакомые ему с рождения улочки и скверы имеют за собой хоть какую-то тайну. По мнению мальчика, его родной город слишком серьёзен, чтобы хранить в своем шкафу парочку-другую скелетов.

– Никуда не годится, – пробурчал Николая.

– А чё, прикольно, – хохотнул Гриша.

Мальчики вышли из здания школы во двор. Погода стояла солнечная.

– Нет, ты заметил? – Гриша обвёл взглядом безоблачное небо.

– Заметил что?

– Погода шикарная.

– Бабье лето, – отмахнулся Николая.

– Оно давно закончилось. С Питером что-то не так. Никогда такой тёплой осени не было!

– Да ну разве?

– Мама говорит, что это не к добру. И что зима будет холодная и снежная. Даже по телику об этом говорят.

– Ты смотришь телик?

– Не я. Мама. Но там целый выпуск новостей отвели погоде питерской. Такого долгого бабьего лета не бывает в Петербурге. Что-то не так.

– Ой, да все нормально. Когда повалит снег, по телику будут говорить, что зима пришла как-то внезапно. Дороги завалит по самое не хочу, а расчищать нечем будет. И вот тогда будут рассказывать о внезапно наступившей зиме и о том, что ЖКХ к этой внезапной зиме просто не успели подготовиться. Так всегда ж и бывает. Радоваться надо такой погоде. Авось, зимой мёрзнуть не придется. Господи, да это просто погода!

Друзья попрощались и разошлись в разные стороны. Впереди их ждали выходные. Для Гриши пятничный вечер закончится бабушкиной рассадой, в то время как Николая, сам не зная зачем, доедет до набережной Мойки. Того самого места, где стоит памятник чижику-пыжику.

Мальчик запустил руку в карман пальто и выудил оттуда пару рублей. Николай проговорил про себя желание и закинул монеты в памятник. Желанию просто не суждено было исполниться. В ту же минуту, как он прицелится, на его руку приземлится птица. Её маленькие черные глазки с укором посмотрят на расплзшегося в улыбке мальчика.

– Ты что удумал? – допрашивал мальчика Семён.

– Я желание загадать хотел! – восторженно отвечал Николай.

– Вы серьёзно?

– Конечно!

– Вы рискуете попасть в передовицу. Вам пора осознать простой факт – меня можете понимать только вы. Лишь в редких исключениях я в силах отменить это правило. Оглянитесь!

Николай послушался.

Толпа людей, которая, как он думал, подобно течению, и принесла его сюда, расплзлась на группки и теперь смотрела на него. Глаза этих людей смеялись. Девушка в красном берете, кажется, сфотографировала его и теперь что-то активно обсуждала со своими подружками, то и дело поглядывая на Николая.

– Первое правило мистического Петербурга, – объявил Семён. – Никому не рассказывай о мистическом Петербурге. Только дураком себя выставишь, поверь мне, – заверил чиж Николай.

– Кто такой Пётр Павлович? Тоже мой родственник?

– Первое правило! – возмутился чиж.

И Николай зашагал прочь, в голове у него крутилась одна-единственная мысль «просто будь собой». Он вдруг осознал, что ему просто не суждено узнать от Семёна всей правды. Тот следовал прямо за мальчиком. И если кто-то из пешеходов еще перешёптывался из-за говорящего с самим собой мальчика, то на летящую за ним птицу никто внимания так и не обратил.

– Так здорово, что вы не испугались и всё-таки пришли сюда, – довольственно чирикал Семён.

– Так получилось, – шептал ему в ответ Николай, поднёсший телефон к уху.

– Мне вас оставить? – просил чиж, завидя телефон в руке мальчика.

– Говори. Говори всё, что ты хотел мне сказать. Ни у кого это удивления не вызовет.

Теперь-то.

– Блестяще! Вот ведь технологический прогресс, посудите только!

– Так о чём ты хотел поговорить?

– О, Вашество! – Семён ускорился.

Николай прибавил ходу.

– Вы заметили, до чего чудесная погода стоит всю неделю? – пропел чиж.

– Я выставил себя идиотом, чтобы мы поговорили о погоде?

– О, нет конечно. Но грядёт новый день. А с ним и новая беда, – Семён обрисовал петлю в воздухе.

– Это ты мне уже говорил. Можно конкретнее? – взмолил теряющий терпение Николая. С прижатым к груди телефоном и школьной сумкой, мальчик растолкал себе путь вперед скопление людей у выхода на Невский проспект.

– Беда действительно пришла. Совсем скоро местная природа восстанет против этого города и его жителей.

– О чём ты?

– О том самом. То, что уничтожило Романовых, однажды попытается уничтожить и этот город.

– Наводнение, холера, революция? Нашего последнего императора расстреляли, но сделали это обычные люди. Царских особ убивали и до революции. И причём здесь я?

– Санкт-Петербург – детище Петра Алексеевича Романова. Государя, сделавшего Русь Российской империей. Этому городу присущ имперский дух, кой настолько силён, что никакой «мужик с топором»¹² его выветрить не смог. Москве в этом плане совсем не повезло. Несмотря на всё своё очевидное величие и внешнюю холодность, Петербург хранит великое множество тайн.

– Каких тайн?

– Морось, к примеру, – Семён пикировал вниз, прямым во внутренний карман пальто Николая.

– Морось, – повторил мальчик, глядя на устраивающегося поудобнее в кармане его пальто чижика. – Я думал, речь пойдёт о тайне мироздания или о главных вопросах бытия. А ты на погоду все это время жаловался?

Семён фыркнул, но продолжил гнуть своё:

– Кому раньше принадлежали земли, по которым сегодня ступают петербуржцы?

– Как кому, – озадачился мальчик. – На берегу пустынных волн... Как там дальше?

Николя еле увернулся от круглой женщины, увешанной табличками с надписями типа ЭКСКУРСИЯ НОЧНОЙ ПЕТЕРБУРГ.

– Глупости! – негодовал чижик. – Народ здесь жил до прихода сюда Петра Великого. И то были не обычные люди. Настоящие северяне, бросившие вызов самой природе, они выживали и без полов с подогревом ну или вообще – без пола. Здесь жили семьи, они складывали о своём житие истории, из них рождались легенды.

Николя сел на лавочку перед Казанским собором. Ноги гудели от непривычно быстрой ходьбы. Семён тем временем продолжал:

– Ходила среди них легенда, особо почитаемая этим народом. Согласно ей, глубоко под тем местом, где Пётр I памятник воздвиг себе нерукотворный, испокон веков лежал предмет великой силы и бескрайнего могущества. Он разгонял тучи, иссушал болота, вызывал благодатный дождь для урожая. Сила Сампо порой играла решающую роль в противостоянии тогдашних местных жителей местному климату. Уже в те времена здешняя почва не отличалась плодородием, а солнце выходило на небосвод так редко, что жители деревень вовсе переставали на него рассчитывать. Единственная их надежда оставалась на Сампо. Оно являло свет в веч-

---

¹² Выражение относится к Павлу I – сыну Екатерины Великой – и одному из самых мистически настроенных российских императоров. Существует легенда, согласно которой Павел спрашивал у монаха Авеля о будущем Российской Империи. И тот отвечал: «На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда сын Божий. Война будет, великая война, мировая. Накануне победы рухнет трон царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмёт в руки власть и наступит воистину казнь египетская». Народный фольклор добавляет, будто все сказанное Авелем Павел записал в послании к потомкам, которое досталось Николаю II, коего сегодня часто называют Стратотерпцем. Через 100 лет, как и завещал Павел, письмо досталось Николаю II. Поговаривают, будто с тех пор он ничего не боялся и даже когда в 1903 году во время крещения Господня в Иордань (прудь в водоёме для совершения обряда водоосвящения) угодил снаряд, не испугался только Николай II, прошептав «До 1918 я ничего не боюсь». Из книги Н. А. Синдаловского. «Санкт-Петербург – история в преданиях и легендах».

ную темень и черствые сердца с его помощью наполнялись великой благодарностью, – Семён затих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.